

А. П. ЧЕХОВ

БЕЛОЛОБЫЙ

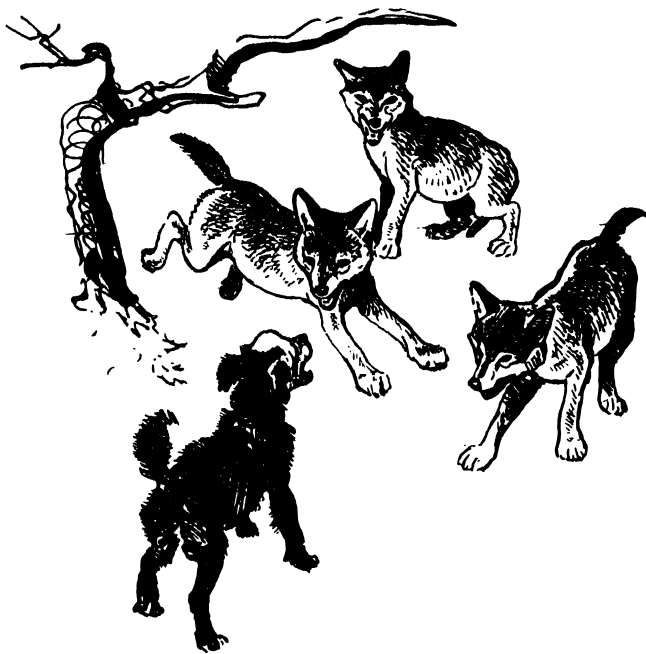
ДЕТГИЗ · 1955

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ НЕРУССКИХ ШКОЛ

А. П. ЧЕХОВ

БЕЛОЛОБЫЙ

РАССКАЗЫ

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1955

Лéтом 1954 гóда испóлнилось пятьдесят лет со дня смёрти великого рúсского писáтеля Антóна Пáвловича Чéхова. Это собы́тие отмéтила вся Совéтская странá. Ведь Чéхов оди́н из сáмых люби́мых писáтелей совéтского наро́да. Его́ рáвно любя́т и чита́ют все вóзрасты. Расскáзы Чéхова встреча́ют нас на поро́ге шкóлы, когдá мы ещё то́лько учимся склáдывать бúквы в слова́, и провожа́ют до конца́ жýзни.

Чéхов про́жил недóлгую жизнь: всего́ сóрок четы́ре гóда. Но благодаря́ своему́ грома́дному талáнту и неиссяка́емому трудолю́бию он успéл очень́ мно́го сде́лать для родно́го наро́да. Оди́х рассказов написа́л он не́сколько сот. Сто́ит раскры́ть любóй из эти́х рассказов — и жизнь, уже́ отоше́дшая, вновь оживáет перед на́ми, подхо́дит вплотnúю к на́шим глазáм, к на́шему сёрдцу. В рассказáх Чéхова живúт и де́йствуют ты́сячи людéй. И мы не то́лько наблюда́ем их жизнь, нет — мы рáдуемся и печáлимся вмéсте с ни́ми, смеёмся и пла́чем, любим и ненави́дим.

Чéхов жил в трúдное и жесто́кое вре́мя, когдá большинствó людéй на́шей страны́ влачи́ли нищенское существова́ние, бы́ли зányты непоси́льным трудóм, не зна́ли ни сча́стья, ни свобóды, ни просвещéния. Чéхов люби́л людéй, жалéл их, véрил в них и потому́ ненави́дел и презира́л тех, кто мешáл лю́дям быть счастли́выми. В свои́х рассказáх он учит и нас люби́ть прáвду, добро́, красотú, смéлость и ненави́деть ложь, трýсость, жесто́кость, неве́жество.

Чехов много писал о детях, ему были близки и понятны их большие и малые горести и радости. Вот, например, рассказ «Беглец», одинаково интересный для взрослых и для детей. Почти семьдесят лет прошло с тех пор, как Чехов написал этот рассказ, но и сейчас нельзя без волнения читать о горестных переживаниях мальчика Пашки.

Читатель, переживший заодно с Пашкой и его тоску по матери, и больничные страхи, и, главное, горькую обиду на обманувшего его доктора, твердо решил про себя: нет, никогда не надо говорить неправду, даже с добрым намерением, как это сделал доктор...

А вот другой рассказ, «Мальчики». Два школьника, Володя и его друг Чечевичын, начитались приключенческих книг и решили бежать из дому в далекие страны. В решительный момент Володя струсил, и Чечевичын долго срамял его, пока не уговорил бежать. Они бегут, но неудачно: через два дня их поймали и вернули обратно.

Этих мальчиков уже не забудешь: так отчетливо изобразил Чехов их характеры.

Чехов любил не только людей, но и всё живое. Кто не знает его чудесного рассказа об учёной собаке Каштанке! Не менее трогателен и рассказ о маленьком щенке Белолобом. Белолобый дважды спас ягнят от волчицы, но вместо благодарности хозяин, старый Игнат, больно оттрепал Белолобого за уши...

Бедный, славный Белолобый, и его постигла горькая участь всех слабых в том жестоком мире, который описывает Чехов в своих рассказах!

Творения великого русского писателя Чехова, полные жизненной правды, бесконечной любви к человеку и веры в его высокое назначение, будут жить века и века — пока звучит на земле прекрасная русская речь.

Юрий Нагибин

Б Е Л О Д О В Ы Й

Голодная волчи́ха встала, чтобы идти́ на охоту. Её волча́та, все трое, крепко спали, сбившись в кучу, и грели друг друга. Она́ облиза́ла их и пошла́.

Был уже́ весенний ме́сяц март, но по ноча́м дере́вья трещали от хо́лода, как в декабре́, и едва́ вы́сунешь язы́к, как его́ начина́ло си́льно щипа́ть. Волчи́ха была́ сла́бого здо́ровья, мни́тельная¹; она́ вздра́гивала от мале́йшего шу́ма и все́ ду́мала о том, как бы до́ма без не́е кто не оби́дел волча́т. Запа́х челове́ческих и лошади́ных следо́в, пни, сло́женные дрова́ и те́мная унавóженная доро́га пуга́ли её; ей ка́залось, бу́дто за дере́вьями в потёмках сто́ят лю́ди и где́-то за ле́сом во́ют соба́ки.

Она́ была́ уже́ не молодá, и чутьё у не́е ослабе́ло, так что, случáлось, ли́сий след она́ принима́ла за соба́чий и

---

¹ Мни́те́льная — ви́дящая во все́м опа́сность, подро́зительная.

иногда даже, обманутая чутьём, сбивалась с дороги, чего с нею никогда не бывало в молодости. По слабости здоровья она уже не охотилась на телят и крупных баранов, как прежде, и уже далеко обходила лошадей с жеребятками, а питалась одною падалью; свежее мясо ей приходилось кушать очень редко, только весной, когда она, набредя на зайчиху, отнимала у неё детей или забиралась к мужикам в хлев ¹, где были ягнята.

В верстах четырёх ² от её логовища, у почтовой дороги ³, стояло зимовье ⁴. Тут жил сторож Игнат, старик лет семидесяти, который всё кашлял и разговаривал сам с собой; обыкновенно ночью он спал, а днём бродил по лесу с ружьём-одностволкой и посвистывал на зайцев. Должно быть, раньше он служил в механиках, потому что каждый раз, прежде чем остановиться, кричал себе: «Стоп, машина!» — и, прежде чем пойти дальше: «Полный ход!» При нём находилась громадная чёрная собака неизвестной породы, по имени Арапка. Когда она забежала далеко вперёд, то он кричал ей: «Задний ход!» Иногда он пел и при этом сильно шатался и часто падал (волчиха думала, что это от ветра) и кричал: «Сошёл с рельсов!»

Волчиха помнила, что летом и осенью около зимовья паслись баран и две ярки ⁵, и когда она не так давно пробегала мимо, то ей слышалось, будто в хлеву блеяли. И теперь, подходя к зимовью, она соображала, что уже март и, судя по времени, в хлеву должны быть ягнята непременно. Её мучил голод, она думала о том, с какою жадностью она будет есть ягнёнка, и от таких мыслей зубы у неё щёлкали и глаза светились в потёмках, как два огонька. Изба Игната, его сарай, хлев и колодец были окружены

---

¹ В хлев (хлев) — в помещение для скота.

² В верстах четырёх; верста — старинная русская мера длины, немного более километра.

³ У почтовой дороги; почтовая дорога — в старину так называли дорогу, по которой возили почту, а также ходили пассажирские конные экипажи.

⁴ Зимовье — место или помещение, где живут зимой.

⁵ Две ярки (ярка) — две молодые овцы.

высокими сугробами. Было тихо. Арапка, должно быть, спала под сараем. По сугробу волчиха взобралась на хлев и стала разгребать лапами и мордой соломенную крышу. Солома была гнилая и рыхлая, так что волчиха едва не провалилась; на неё вдруг прямо в морду пахнуло тёплым паром и запахом навоза и овечьего молока. Вниз, почувствовав холод, нежно заблеял ягненок. Пригнув в дыру, волчиха упала передними лапами, и в это время в хлеву что-то завизжало, залаяло и залилось тонким, подвывающим голоском; овцы шаркнулись к стенке, и волчиха, испугавшись, схватила что первое попало в зубы и бросилась вон...

Она бежала, напрягая силы, и в это время Арапка, уже почувывая волка, неистово¹ выла, кудахтали в зимовье потревоженные куры, и Игнат, выйдя на крыльцо, кричал:

— Полный ход! Пошёл к свистку!

И свистел, как машина, и потом — го-го-го-го!.. И весь этот шум повторяло лесное эхо.

Когда мало-помалу всё это затихло, волчиха успокоилась немного и стала замечать, что её добыча, которую она держала в зубах и волокла по снегу, была тяжелее и как будто тверже, чем обыкновенно бывают в эту пору ягнята; и пахло как будто иначе, и слышались какие-то странные звуки... Волчиха остановилась и положила свою ношу на снег, чтобы отдохнуть и начать есть, и вдруг отскочила с отвращением. Это был не ягненок, а щенок, чёрный, с большой головой и на высоких ногах, крупной породы, с таким же белым пятном во весь лоб, как у Арапки. Судя по манерам², это был невежа, простой дворняжка. Он облизал свои помятую, раненую спину и, как ни в чём не бывало³, замахал хвостом и залаял на волчицу. Она зарычала, как собака, и побежала от него. Он за ней. Она оглянулась и щёлкнула зубами; он остановился в недоумении⁴ и, ве-

¹ Неистово — сильно, безудержно.

² Судя по манерам (манера) — судя по поведению.

³ Как ни в чём не бывало (разговорн.) — как будто бы ничего не случилось, не произошло.

⁴ В недоумении (недоумение) — в нерешительности.

роятно, решив, что это она играет с ним, протянул морду по направлению к зимовью и залился звонким, радостным лаем, как бы приглашая мать свою Арапку поиграть с ним и с волчихой.

Уже светало, и когда волчиха пробиралась к себе густым осинником, то было видно отчетливо каждую осинку, и уже просыпались тетерева и часто вспархивали красивые петухи, обеспокоенные неосторожными прыжками и лаем щенка.

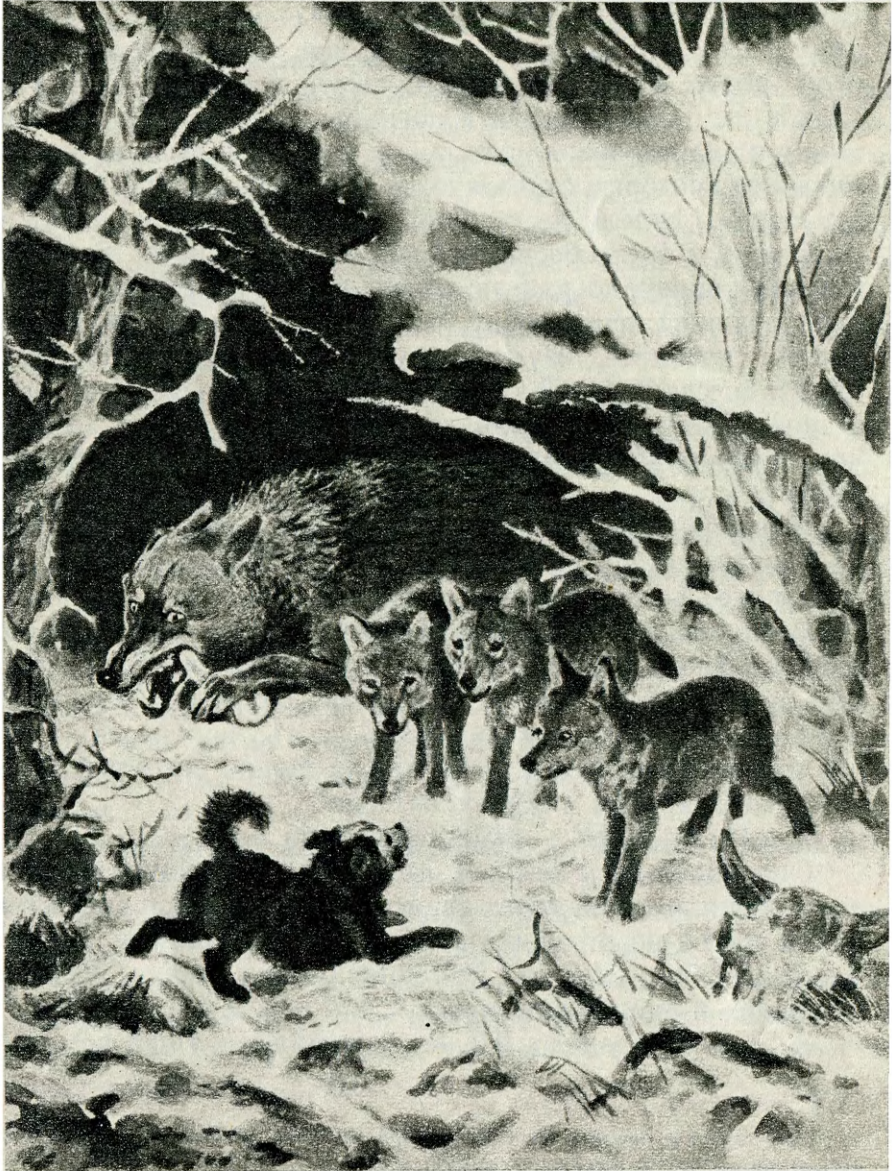
«Зачем это он бежит за мной? — думала волчиха с досадой. — Должно быть, он хочет, чтобы я его съела».

Жила она с волчатами в неглубокой яме; года три назад во время сильной бури вывернуло с корнем высокую старую сосну, отчего и образовалась эта яма. Теперь на дне ее были старые листья и мох, тут же валялись кости и бычьи рога, которыми играли волчата. Они уже проснулись, и все трое, очень похожие друг на друга, стояли рядом на краю своей ямы и, глядя на возвращавшуюся мать, помахивали хвостами. Увидев их, щенок остановился поодаль и долго смотрел на них; заметив, что они тоже внимательно смотрят на него, он стал лаять на них сердито, как на чужих.

Уже рассвело и взошло солнце, засверкал кругом снег, а он все стоял поодаль и лалял. Волчата сосали свою мать, пихая ее лапами в тощий живот, а она в это время грызла лошадиную кость, белую и сухую; ее мучил голод, голова разболелась от собачьего лая, и хотелось ей броситься на непрощенного гостя и разорвать его.

Наконец щенок утомился и охрип; видя, что его не бояться и даже не обращают на него внимания, он стал несмело, то приседая, то подсакивая, подходить к волчатам. Теперь, при дневном свете, легко уже было рассмотреть его. Белый лоб у него был большой, а на лбу бугор, какой бывает у очень глупых собак; глаза были маленькие, голубые, тусклые, а выражение всей морды чрезвычайно глупое. Подойдя к волчатам, он протянул вперед широкие лапы, положил на них морду и начал:

— Мня, мня... нга-нга-нга!..

Волчата ничего не поняли, но замахали хвостами. Тогда щенок ударил лапой одного волчонка по большой голове. Волчонок тоже ударил его лапой по голове. Щенок стал к нему боком и посмотрел на него йкоса, помахая хвостом, потом вдруг рванулся с места и сделал несколько кругов по насту¹. Волчата погнались за ним, он упал на спину и задрал вверх ноги, а они втроём напали на него и, визжа от восторга, стали кусать его, но не больно, а в шутку. Воробьи сидели на высокой сосне и смотрели сверху на их борьбу и очень беспокоились. Стало шумно и весело. Солнце припекало уже по-весеннему; и петухи, то и дело перелетавшие через сосну, поваленную бурей, при блеске солнца казались изумрудными². Обыкновенно волчихи приучают своих детей к охоте, давая им поиграть добычей; и теперь, глядя, как волчата гонялись по насту за щенком и боролись с ним, волчиха думала: «Пускай приучаются».

Наигравшись, волчата пошли в яму и легли спать. Щенок повиыл немного с голоду, потом тоже растянулся на солнышке. А проснувшись, опять стали играть.

Весь день и вечером волчиха вспоминала, как прошлую ночью в хлеву блеял ягненок и как пахло овечьим молоком, и от аппетита она все щёлкала зубами и не переставала грызть с жадностью старую кость, воображая себе, что это ягненок. Волчата сосали, а щенок, который хотел есть, бегал кругом и обнюхивал снег.

«Съём-ка его...» — решила волчиха.

Она подошла к нему, а он лизнул её в морду и заскулил, думая, что она хочет играть с ним. В былое время она едала собак, но от щенка сильно пахло псиной, и, по слабости здоровья, она уже не терпела этого запаха; ей стало противно, и она отошла прочь...

К ночи похолодело. Щенок соскучился и ушёл домой.

---

¹ По насту (наст) — по твёрдой коре на снегу, которая образуется после тёплой погоды зимой или ранней весной.

² Изумрудными (изумрудный) — яркозелеными; изумруд — драгоценный прозрачный камень яркозелёного цвета.

Когда волчата крепко уснули, волчиха опять отправилась на охоту. Как и в прошлую ночь, она тревожилась малейшего шума, и её пугали пни, дрова, тёмные, одиноко стоящие кусты можжевельника, издали похожие на людей. Она бежала в стороне от дороги, по насту. Вдруг далеко впереди на дороге замелькало что-то тёмное... Она напрягла зрение и слух: в самом деле, что-то шло вперёд, и даже слышны были мерные шаги. Не барсук ли? Она осторожно, чуть дыша, забирая всё в сторону¹, обогнала тёмное пятно, оглянулась на него и узнала. Это не спеша, шагом, возвращался к себе в зимовье щенок с белым лбом.

«Как бы он опять мне не помешал», — подумала волчиха и быстро побежала вперёд.

Но зимовье было уже близко. Она опять взобралась на хлев по сугробу. Вчерашняя дыра была уже заделана яровой соломой, и по крыше протянулись две новые слёги². Волчиха стала быстро работать ногами и мордой, оглядываясь, не идёт ли щенок, но едва пахнуло на неё тёплым паром и запахом навоза, как сзади послышался радостный, залихватый лай. Это вернулся щенок. Он прыгнул к волчихе на крышу, потом в дыру и, почувствовав себя дома, в тепле, узнав своих овец, залаял ещё громче... Арапка проснулась под сараем и, почуввав волка, завыла, закудхтали куры, и когда на крыльце показался Игнат со своей одностволкой, то перепуганная волчиха была уже далеко от зимовья.

— Фюйть! — засвистёл Игнат. — Фюйть! Гоня на всех парах!

Он спустил курок — ружьё далó осечку³; он спустил ещё раз — опять осечка; он спустил в третий раз — и громадный огненный снап вылетел из ствола, и раздалось оглушительное «бу, бу!» Ему сильно отдало в плечо; и, взявши в одну руку ружьё, а в другую топор, он пошёл посмотреть, отчего шум...

---

¹ Забирая всё в сторону — идя стороной.

² Слёги — толстые жёрди, шесты.

³ Далó осечку (дать осечку) — не выстрелило.

Немного погодя он вернулся в избу.

— Что там? — спросил хриплым голосом странник, ночевавший у него в эту ночь и разбуженный шумом.

— Ничего... — ответил Игнат. — Пустое дело. Повалился наш Белолобый с овцами спать в тепле. Только нет того понятия, чтобы в дверь, а норovit¹ всё как бы в крышу. Намедни² ночью разобрал крышу и гулять ушёл, подлец, а теперь вернулся и опять разворошил крышу.

— Глупый.

— Да, пружина в мозгу лопнула. Смерть не люблю³ глупых! — вздохнул Игнат, ползая на печь. — Ну, божий человек, рано ещё вставать, давай спать полным ходом...

А утром он подзвал к себе Белолобого, больно оттрепал его за уши и потом, наказывая его хворостиной, всё приговаривал:

— Ходи в дверь! Ходи в дверь! Ходи в двери!

---

¹ Норovit (норовить; разговорн.) — настойчиво стремится.

² Намедни (простореч.) — совсем недавно, на днях.

³ Смерть не люблю (разговорн.) — здесь: очень не люблю.

Б Е Г Л Е Ц

Это была длинная процедура¹. Сначала Пашка шёл с матерью под дождём, то по скошенному полю, то по лесным тропинкам, где к его сапогам липли жёлтые листья, — шёл до тех пор, пока не рассвело. Потом он часа два стоял в тёмных сенях² и ждал, пока отпрут дверь. В сенях было не так холодно и сыро, как на дворе, но при ветре и сюда залетали дождевые брызги. Когда сени мало-помалу битком³ набились народом, стиснутый Пашка припал лицом к чьему-то тулупу, от которого сильно пахло солёной ры-

¹ Это была длинная процедура — здесь: это длилось долго.

² В сенях; сени — помещение между жилой частью дома и крыльцом.

³ Битком набились народом (битком набить; разговорн.) — здесь: нашло очень много народа.

бой, и вздремнул. Но вот щёлкнула задвижка, дверь распахнулась, и Пашка с матерью вошёл в приёмную. Тут опять пришлось долго ждать. Все больные сидели на скамьях, не шевелились и молчали. Пашка оглядывал их и тоже молчал, хотя видел много странного и смешного. Раз только, когда в приёмную, подпрыгивая на одной ноге, вошёл какой-то парень, Пашке самому захотелось так же прыгать. Он толкнул мать под локоть, приснул в рукав и сказал:

— Мама, гляди: воробей!

— Молчи, дётка, молчи! — сказала мать.

В маленьком окошечке показался заспанный фельдшер¹.

— Подходи записываться! — пробасил он.

Все, в том числе и смешной подпрыгивающий парень, потянулись к окошечку. У каждого фельдшер спрашивал имя и отчество, летá, местожительство, давно ли болен и пр. Из ответов своей матери Пашка узнал, что его зовут не Пашкой, а Павлом Галактионовым, что ему семь лет, что он неграмотен и болен с самой пасхи².

Вскоре после записывания нужно было ненадолго встать: через приёмную прошёл доктор в белом фартуке и подпоясанный полотёнцем. Проходя мимо подпрыгивающего парня, он пожал плечами и сказал певучим тенором³:

— Ну, и дурак! Что ж, разве не дурак? Я велел тебе прийти в понедельник, а ты приходишь в пятницу. По мне, хоть вовсе не ходи, но ведь, дурак этакой, нога пропадёт!

Парень сделал такое жалостное лицо, как будто собрался просить милостыню, заморгал и сказал:

— Сделайте такую милость, Иван Миколаич!

— Тут нечего — Иван Миколаич! — передразнил доктор. — Сказано — в понедельник, и надо слушаться. Дурак, вот и всё...

Началась приёмка. Доктор сидел у себя в комнатке и

---

¹ Фельдшер — помощник доктора.

² С самой пасхи; пасха — весенний церковный праздник.

³ Тенором; тенор — высокий (тонкий, звонкий) мужской голос.

выкликáл больнѣх по очереди. То и дѣло из комнаты слышались пронзительные вопли, дѣтскій плач ѣли сердѣтые вѣзгласы дѣктора:

— Ну, что орѣшь? Рѣжу я тебѣ, что ли? Сидѣ смѣрно! Настáла очередь Пáшки.

— Пáвел Галактиѣнов! — крикнул дѣктор.

Мать обомлѣла¹, тѣчно не ждалá э́того вѣзова, и, взяв Пáшку за руку, повелá егѣ в комнату. Дѣктор сидѣл у столá и машинáльно стучáл по тѣлстой кнѣге молотѣчком.

— Что болѣт? — спросѣл он, не глядя на вошѣдших.

— У парнѣшки болячка на лѣкте, бáтюшка, — отвѣтила мать, и лицѣ еѣ прѣняло тáкое выражѣние, как бѣдто онá в сáмом дѣле ужáсно опечáлена Пáшкиной болячкой.

— Раздѣнь егѣ!

Пáшка, пыхтѣ, распѣтал на шѣе платѣк, потѣм вѣтер рукавѣм нос и стал не спешá стáскивать тулѣпчик.

— Бáба, не в гѣсти пришлá! — сказáл сердѣто дѣктор. — Что вѣзишься? Вѣдь ты у меня не однá тут!

Пáшка торопливо сбросѣл тулѣпчик на зѣмлю и с пѣмощью мáтери снял рубáху. Дѣктор лѣнѣво поглядѣл на негѣ и похлѣпал егѣ по гѣлому животу.

— Вáжное, брат Пáшка, ты себѣ пѣзо отрастѣл, — сказáл он и вздохнул. — Ну, показывай свой лѣкоть.

Пáшка покосѣлся на таз с кровяными помѣями, поглядѣл на дѣкторскѣй фáртук и заплакал.

— Ме-е! — передразнѣл дѣктор. — Женѣть порá баловникá, а он ревѣт! Бессѣвестный.

Старáясь не плáкать, Пáшка поглядѣл на мать, и в э́том егѣ взгляде былá написана прѣсьба: «Ты же не рассказывай дѣма, что я в больницѣ плáкал!»

Дѣктор осмотрѣл егѣ лѣкоть, подавил, вздохнул, чмѣкнул губáми, потѣм опя́ть подавил.

— Бѣть тебѣ, бáба, да нѣкому, — сказáл он. — Отчѣго ты рáньше егѣ не приводѣла? Рукá-то вѣдь пропащáя! Глядѣ-кась, дѣра, вѣдь э́то сустáв болѣт!

— Вам лѣьше знать, бáтюшка... — вздохнула бáба.

---

¹ Обомлѣла (обомлѣть) -- растерялась от неожиданности.

— Батьюшка... Сгноила парню руку, да тепёрь и батьюшка. Какой он работник без руки? Вот век целый и будешь с ним нянчиться. Небось, как у самой прыщ на носу вскочит, так сейчас же в больницу бежишь, а мальчишку полгода гноила. Все вы такие!

Доктор закурил папироску. Пока папироска дымилась, он распекал¹ бабу и покачивал головой в такт песне, которую напевал мысленно, и всё думал о чём-то. Голый Пашка стоял перед ним, слушал и глядел на дым. Когда же папироска потухла, доктор встрепенулся и заговорил тоном ниже:

— Ну, слушай, баба. Мазями да каплями тут не поможешь. Надо его в больнице оставить.

— Ежели² нужно, батьюшка, то почему не оставить?

— Мы ему операцию сделаем. А ты, Пашка, оставайся, — сказал доктор, хлопая Пашку по плечу. — Пусть мать едет, а мы с тобой, брат, тут останемся. У меня, брат, хорошо, разлюбил малина!³ Мы с тобой, Пашка, вот как управимся, чижей пойдём ловить, я тебе лисицу покажу! В гости вместе поедём! А? Хочешь? А мать за тобой завтра приедет! А?

Пашка вопросительно посмотрел на мать.

— Оставайся, дётка! — сказала та.

— Остаётся, остаётся! — весело закричал доктор. — И толковать нечего! Я ему живую лисицу покажу! Поедём вместе на ярмарку⁴ леденцы покупать! Марья Денисовна, сведите его навёрх!

Доктор, повидимому весёлый и покладистый⁵ малый, рад был компании; Пашка захотел уважить его, тем более, что отродясь не бывал на ярмарке и охотно бы поглядел на живую лисицу, но как обойтись без матери? Подумав немного, он решил попросить доктора оставить в больнице и

¹ Распекал (распечь; разговорн.) — ругал, бранил.

² Ежели (старинн.) — если.

³ Разлюбил малина (простореч.) — очень хорошо, привольно.

⁴ На ярмарку; ярмарка — периодически устраиваемый съезд торговцев для продажи и закупки товаров.

⁵ Покладистый (разговорн.) — уступчивый, сговорчивый.

мать, но не успёл он раскрыть рта, как фельдшерница уже вела его вверх по лестнице. Шёл он и, разинув рот, глядел по сторонам. Лестница, полы и косяки — всё громадное, прямое и яркое — были выкрашены в великолепную желтую краску и издавали вкусный запах постного масла. Всюду висели лампы, тянулись половики, торчали в стенах медные краны. Но больше всего Пашке понравилась кровать, на которую его посадили, и серое шершавое одеяло. Он потрогал руками подушки и одеяло, оглядел палату и решил, что доктору живётся очень недурно.

Палата была невелика и состояла только из трёх кроватей. Одна кровать стояла пустой, другая была занята Пашкой, а на третьей сидел какой-то старик с кислыми¹ глазами, который всё время кашлял и плевал в кружку. С Пашкиной кровати видна была в дверь часть другой палаты с двумя кроватями: на одной спал какой-то очень бледный, тощий человек с каучуковым² пузырём на голове; на другой, расставив руки, сидел мужик с повязанной головой, очень похожий на бабу.

Фельдшерница, усадив Пашку, вышла и немного погодя вернулась, держа в охапке кучу одежды.

— Это тебе, — сказала она. — Одевайся.

Пашка разделся и не без удовольствия стал облачаться в новое платье. Надевши рубаху, штаны и серый халатик, он самодовольно оглядел себя и подумал, что в таком костюме недурно бы пройти по деревне. Его воображение рисовало, как мать посылает его на огород к реке нарвать для поросёнка капустных листьев; он идёт, а мальчишки и девочки окружили его и с завистью глядят на его халатик.

В палату вошла сиделка³, держа в руках две деревянных миски, ложки и два куска хлеба. Одну миску она поставила перед стариком, другую — перед Пашкой.

— Ешь! — сказала она.

¹ С кислыми (кислый) — здесь: с безжизненными, безразличными.

² С каучуковым (каучуковый) — из каучука — вещества, из которого изготавливается резина.

³ Сиделка — няня, ухаживающая за больными.

Взгляну́в в мѣску, Па́шка уви́дел жи́рные щи, а в щах кусо́к мя́са. И о́пять поду́мал, что до́ктору живѣтся о́чень неду́рно и что до́ктор во́все не так серди́т, как показáлся сна́чала. До́лго он ел щи, обли́зывая по́сле ка́ждого хле́ба ло́жку; пото́м, когдá, кро́ме мя́са, в мѣске ничегó не оста́лось, покоси́лся на стари́ка и позави́довал, что тот всё ещё хлеба́ет. Со вздо́хом он приня́лся за мя́со, стара́ясь есть егó возмо́жно до́льше, но стара́ния егó ни к чему́ не привели́: ско́ро исче́зло и мя́со. Оста́лся то́лько кусо́к хле́ба. Невку́сно есть оди́н хлеб без припра́вы, но де́лать бы́ло не́чего. Па́шка поду́мал и съел хлеб. В э́то вре́мя вошла́ сидѣлка с но́выми мѣсками. На э́тот раз в мѣсках бы́ло жарко́е с карто́фелем.

— А где же хле́б-то? — спроси́ла сидѣлка.

Вме́сто отве́та Па́шка наду́л ще́ки и вы́дыхнул во́здух.

— Ну, заче́м сожра́л? — сказа́ла укори́зненно ¹ сидѣлка. — А с чем же ты жарко́е ешь бу́дешь?

Она́ вы́шла и прине́сла но́вый кусо́к хле́ба. Па́шка отро́дясь не ел жа́реного мя́са и, испро́бовав егó тепе́рь, нашёл, что оно́ о́чень вку́сно. Исче́зло оно́ бы́стро, и по́сле него́ оста́лся кусо́к хле́ба бо́льше, чем по́сле шей. Стари́к, пообѣдав, спря́тал свой оста́вшийся хлеб в сто́лик; Па́шка хоте́л сде́лать то же са́мое, но поду́мал и съел свой кусо́к.

Нае́вшись, он поше́л прогуля́ться. В сосѣдней пала́те, кро́ме тех, кото́рых он ви́дел в дверь, находи́лось ещё че́тыре челове́ка. Из них то́лько оди́н обрати́л на себя́ егó внима́ние. Это был высóкий, кра́йне исхудáлый мужи́к с угрю́мым волосáтым лицóм; он сидѣл на кровáти и всё вре́мя, как ма́ятником, кивáл голо́вой и маха́л пра́вой руко́й. Па́шка до́лго не отрывáл от него́ глаз. Снача́ла мая́тничкообразные, ме́рные кивáния мужи́ка казáлись ему́ курьѣзными ², произво́димыми для о́бщей потѣхи, но когдá он вгляде́лся в лицó мужи́ка, ему́ ста́ло жу́тко, и он по́нял, что э́тот мужи́к нестерпи́мо бо́лен. Пройдя́ в тре́тью пала́ту, он уви́дел двух мужи́ков с темнокра́сными лица́ми, то́чно выма́занными гли́ной.

¹ Укори́зненно — с укóром, с упре́ком.

² Курьѣзными (курьѣзный) — забáвными, смешны́ми.

Онѣ неподвижно сидѣли на кроватях и со своими странными лицами, на которыхъ трудно было различить черты, походили на языческихъ божковъ¹.

— Тётка, зачѣмъ онѣ такіе? — спросилъ Пашка у сидѣлки.

— У нихъ, парнишка, вѣспа².

Вернувшись къ себѣ въ палату, Пашка селъ на кровать и сталъ дожидаться дѣктора, чтобы идти с нимъ ловить чижейъ или ѣхать на ярмарку. Но дѣкторъ не шѣлъ. Въ дверяхъ сосѣдней палаты мелькнулъ ненадолго фѣльдшеръ. Онъ нагнулся къ тому больному, у котораго на головѣ лежалъ мешокъ со льдомъ, и крикнулъ:

— Михайло!

Спавшій Михайло не шевельнулся. Фѣльдшеръ махнулъ рукой и ушѣлъ. Въ ожиданіи дѣктора Пашка осматривалъ своего сосѣда-старика. Старикъ не переставая кашлялъ и плевалъ въ кружку; кашель у него былъ протяжный, скрипучій. Пашке понравилась одна особенность старика: когда онъ, кашляя, вдыхалъ въ себя воздухъ, то въ груди его что-то свистѣло и пѣло на разные голоса.

— Дедъ, что это у тебя свиститъ? — спросилъ Пашка.

Старикъ ничего не отвѣтил. Пашка подождѣлъ немного и спросилъ:

— Дедъ, а где лисица?

— Какая лисица?

— Живая.

— Где жъ ей быть? В лесу!

Прошло много времени, но дѣкторъ всё ещё не являлся. Сидѣлка принесла чай и побранила Пашку за то, что онъ не оставилъ себѣ хлѣба къ чаю; приходилъ ещё разъ фѣльдшеръ и принимался будить Михайлу; за окнами посинѣло, въ палатахъ зажглись огни, а дѣкторъ не показывался. Было уже поздно ѣхать на ярмарку и ловить чижейъ; Пашка растянулся на постѣли и сталъ думать. Вспомнилъ онъ леденцы, обѣщанные дѣкторомъ, лицо и голосъ матери, потѣмки въ своей избѣ, пѣчку, ворчливую бабку Егоровну... и ему стало вдругъ

¹ На языческихъ божковъ; язычество — одинъ изъ видовъ религии.

² Вѣспа — правильно: ѡспа.

скучно и грустно. Вспомнил он, что завтра мать придёт за ним, улыбнулся и закрыл глаза.

Его разбудил шорох. В соседней палате кто-то шагал и говорил полушопотом. При тусклом свете ночников и лампад¹ возле кровати Михайлы двигались три фигуры.

— Понесём с кроватью аль² так? — спросила одна из них.

— Так. Не пройдёшь с кроватью. Эка³, помер не во время, царство небесное!

Один взял Михайлу за плечи, другой — за ноги, и приподняли: руки Михайлы и полы его халата слабо повисли в воздухе. Третий — это был мужик, похожий на бабу, — закрестился, и все трое, беспорядочно стуча ногами и ступая на полы Михайлы, пошли из палаты.

В груди спавшего старика раздавались свист и разноголосое пение. Пашка прислушался, взглянул на тёмные окна и в ужасе вскочил с кровати.

— Ма-а-ма! — простонал он басом.

И, не дожидаясь ответа, он бросился в соседнюю палату. Тут свет лампадки и ночника еле-еле прояснял потёмки: больные, потревоженные смертью Михайлы, сидели на своих кроватях; мешаясь с тенями, всклокоченные, они представлялись шире, выше ростом и, казалось, становились всё больше и больше; на крайней кровати в углу, где было темнее, сидел мужик и кивал головой и рукой.

Пашка, не разбирая дверей, бросился в палату обспенных, оттуда в коридор, из коридора влетел в большую комнату, где лежали и сидели на кроватях чудовища с длинными волосами и со старушечьими лицами. Пробежав через женское отделение, он потом опять очутился в коридоре, увидел перила знакомой лестницы и побежал вниз. Тут он узнал приёмную, в которой сидел утром, и стал искать выходной двери.

---

¹ Л а м п а д (лампада) — наполненных маслом сосудов с фитилём, зажигаемых перед иконами.

² А л ь (простореч.) — или.

³ Э к а (простореч.) — здесь: восклицание, означающее досаду.

Задвѣжка щёлкнула, пахнул холодный ветер, и Пашка, спотыкаясь, выбежал на двор. У него была одна мысль — бежать и бежать! Дороги он не знал, но был уверен, что если побежит, то непременно очутится дома, у матери. Ночь была пасмурная, но за облаками светила луна. Пашка побежал от крыльца прямо вперёд, обогнул сарай и наткнулся на густые кусты; постояв немного и подумав, он бросился назад к больнице, обошёл её и опять остановился в нерешимости: за больничным корпусом белели могильные кресты.

— Ма-амка! — закричал он и бросился назад.

Пробегая мимо тёмных, суровых строений, он увидел одно освещённое окно. Яркое, красное пятно в потёмках казалось страшным, но Пашка, обезумевший от страха, не зная, куда бежать, повернул к нему. Рядом с окном было крыльцо со ступеньками и парадная дверь с белой дощечкой; Пашка взбежал на ступени, взглянул в окно, и острая, захватывающая радость вдруг овладела им. В окно он увидел весёлого, покладистого доктора, который сидел за столом и читал книгу. Смеясь от счастья, Пашка протянул к знакомому лицу руки, хотел крикнуть, но невёдомая сила сжала его дыхание, ударила по ногам; он покачнулся и без чувств повалился на ступени.

Когда он пришёл в себя, было уже светло, и очень знакомый голос, обещавший вчера ярмарку, чижей и лисицу, говорил возле него:

— Ну, и дурак, Пашка! Разве не дурак? Бить бы тебя, да некому.

М А Л Ь Ч И К И

— Володя приехал! — крикнул кто-то на дворе.

— Володичка приехали! — завопила Наталья, вбегая в столовую. — Ах, боже мой!

Вся семья Королёвых, с часу на час поджидавшая своего Володю, бросилась к окнам. У подъезда стояли широкие рózвальни¹, и от трóйки бёлых лошадей шёл густой туман. Сани были пúсты, потому что Володя уже стоял в сенях и красными, озябшими пáльцами развя́зывал башлы́к². Его гимназическое пальто³, фура́жка, кало́ши и вóлосы на висках были покрыты инеем, и весь он от головы́ до ног издавал такой вкúсный морóзный за́пах, что, глядя на него, хотéлось озябнуть и сказа́ть: «бррр!» Мать и тётка бросились обнимать и целовать его́, Наталья повалилась к его́ ногам и начала стáскивать с него́ вáленки, сёстры пёдняли визг, двёри скрипéли, хлопали, а отец Володи в

¹ Рóзвальни — низкие и широкие сани.

² Башлы́к — тёплый головной убор, надеваемый чаще поверх шапки.

³ Гимназическое пальто — форменное пальто, которое носили ученики гимназии (среднего учебного заведения в дореволюционной России).

одной жилетке и с ножницами в руках вбежал в переднюю и закричал испуганно:

— А мы тебя ещё вчера ждали! Хорошо доехал? Благополучно? Господи боже мой, да дайте же ему с отцом поздороваться! Что я, не отец, что ли?

— Гав! Гав! — ревел басом Милорд, огромный чёрный пёс, стуча хвостом по стенам и по мебели.

Всё смешалось в один сплошной, радостный звук, продолжавшийся минуты две. Когда первый порыв радости прошёл, Королёвы заметили, что, кроме Володы, в передней находился ещё один маленький человек, окутанный в платки, шали и башлык и покрытый ином; он неподвижно стоял в углу, в тени, бросаемой большой лисьей шубой.

— Володичка, а это же кто? — спросила шопотом мать.

— Ах! — спохватился Володя. — Это, честь имею представить, мой товарищ Чечевичын, ученик второго класса... Я привёз его с собой погостить у нас...

— Очень приятно, милости просим, — сказал радостно отец. — Извините, я по-домашнему, без сюртука...¹ Пожалуйста! Наталья, помогите господину Черепицыну раздеться! Господи боже мой, да прогоните эту собаку! Это наказание!

Немного погодя Володя и его друг Чечевичын, ошеломлённые шумной встречей и всё ещё розовые от холода, сидели за столом и пили чай. Зимнее солнышко, проникая сквозь снег и узоры на окнах, дрожало на самоваре и купало свои чистые лучи в полоскательной чашке. В комнате было тепло, и мальчики чувствовали, как в их озёбших телах, не желая уступать друг другу, щекались тепло и мороз.

— Ну вот, скоро и рождество!² — говорил нараспев отец, крутя из темнорыжего табаку папиросу. — А давно ли было лето и мать плакала, тебя провожая? Ан³ ты и приехал... Время, брат, идёт быстро! Ахнуть не успеешь,

---

¹ Без сюртука; сюртук — старинная верхняя мужская одежда.

² Рождество — зимний церковный праздник.

³ Ан (простореч.) — здесь: но вот.

как старость придёт. Господин Чибисов, кúшайте, прошу вас, не стесняйтесь! У нас попросту.

Три сестры Володи: Катя, Соня и Маша — самой старшей из них было одиннадцать лет — сидели за столом и не отрывали глаз от нового знакомого. Чечевичын был такого же возраста и роста, как Володя, но не так пухл и бел, а худ, смугл, покрыт веснушками. Волосы у него были щетинистые, глаза узенькие, губы толстые, вообще был он очень некрасив, и если б на нём не было гимназической куртки, то по наружности его можно было бы принять за кухаркина сына. Он был угрюм, всё время молчал и ни разу не улыбнулся. Девочки, глядя на него, сразуобразили, что это, должно быть, очень умный и учёный человек. Он о чём-то всё время думал и так был занят своими мыслями, что когда его спрашивали о чём-нибудь, то он вздрагивал, встряхивал головой и просил повторить вопрос.

Девочки заметили, что и Володя, всегда весёлый и разговорчивый, на этот раз говорил мало, вообще не улыбался и как будто даже не рад был тому, что приехал домой. Пока сидели за чаем, он обратился к сёстрам только раз, да и то с какими-то странными словами. Он указал пальцем на самовар и сказал:

— А в Калифорнии ¹ вместо чаю пьют джин ².

Он тоже был занят какими-то мыслями, и, судя по тем взглядам, какими он изредка обменивался с другом своим Чечевичыным, мысли у мальчиков были общие.

После чаю все пошли в детскую. Отец и девочки сели за стол и занялись работой, которая была прервана приездом мальчиков. Они делали из разноцветной бумаги цветы и бахрому для ёлки. Это была увлекательная и шумная работа. Каждый вновь сделанный цветок девочки встречали восторженными криками, даже криками ужаса, точно этот цветок падал с неба; папаша тоже восхищался и изредка бросал ножницы на пол, сердясь на них за то, что

---

¹ В Калифорнии; Калифорния — один из штатов США.

² Джин (джин) — хлебную водку.

оні тупы. Мамáша вбегáла в дётскую с óчень озабóченным лицóм и спрашивала:

— Кто взял мой нóжницы? Опя́ть ты, Ива́н Никола́ич, взял мой нóжницы?

— Го́споди бо́же мой, да́же нóжниц не даю́т! — отве́чал пла́чущим го́лосом Ива́н Никола́ич и, сткíнувшись на спи́нку сту́ла, принимáл позу оскорблённого челове́ка, но че́рез мину́ту опя́ть восхища́лся.

В предыдúщие свой при́езды Воло́дя то́же занима́лся пригото́влениями для ёлки и́ли бегал на двор поглядéть, как кúчер и пастúх дéлали снеговúю гóру, но тепéрь он и Чечевíцын не обратíли ника́кого внимáния на разноцвётную бума́гу и ни рáзу да́же не побыва́ли в коню́шне, а сéли у окна́ и ста́ли о чём-то шепта́ться; потóм онí óба вмéсте раскры́ли географический áтлас и ста́ли рассма́тривать какúю-то кáрту.

— Снача́ла в Пермь... — тíхо говори́л Чечевíцын... — оттúда в Тюме́нь... потóм Томск... потóм... потóм... в Камча́тку... Отсю́да самоёды¹ перевезу́т на лóдках че́рез Бе́рингов проли́в... Вот тебе́ и Аме́рика... Тут мно́го пушны́х зверей.

— А Калифо́рния? — спроси́л Воло́дя.

— Калифо́рния ни́же... Лишь бы в Аме́рику попа́сть, а Калифо́рния не за гора́ми. Добывáть же себе́ пропита́ние мо́жно охóтой и грабежо́м.

Чечевíцын весь день сторонíлся дéвочек и глядёл на них исподлóбья. Пóсле вечернего ча́я случи́лось, что его́ мину́т на пять оста́вили одно́го с дéвочками. Нелóвко бы́ло молча́ть. Он сурóво ка́шлянул, потёр пра́вой ладо́нью лéвую ру́ку, поглядёл угрю́мо на Ка́тю и спроси́л:

— Вы чита́ли Майн-Ри́да?²

— Нет, не чита́ла... Послу́шайте, вы уме́ете на конька́х ката́ться?

Погружённый в свой мы́сли, Чечевíцын ничегó не

---

¹ Самоёды (самоёд) — дореволюционное, тепе́рь не употребляемое назва́ние нёнцев и не́которых други́х се́верных наро́дов.

² Майн-Ри́да; Ма́йн-Рид (1818—1883) — англи́ский писа́тель, áвтор приключённых рома́нов из амери́канской жи́зни.

отвѣтил на этот вопрос, а только сильно надул щеки и сделал такой вздох, как будто ему было очень жарко. Он ещё раз поднял глаза на Катю и сказал:

— Когда стадо бизонов¹ бежит через пампасы², то дрожит земля, а в это время мустанги³, испугавшись, брыкаются и ржут.

Чечевичин грустно улыбнулся и добавил:

— А также индейцы нападают на поезд. Но хуже всего это москиты и термиты.

— А что это такое?

— Это вроде муравчиков, только с крыльями. Очень сильно кусаются. Знаете, кто я?

— Господин Чечевичин.

— Нет. Я Монтигемо Ястребиный Коготь, вождь непобедимых.

Маша, самая маленькая девочка, поглядела на него, потом на окно, за которым уже наступал вечер, и сказала в раздумье:

— А у нас чечевичу вчера готовили.

Совершенно непонятные слова Чечевичина и то, что он постоянно шептался с Володей, и то, что Володя не играл, а всё думал о чём-то, — всё это было загадочно и странно. И обе старшие девочки, Катя и Соня, стали зорко следить за мальчиками. Вечером, когда мальчики ложились спать, девочки подкрались к двери и подслушали их разговор. О, что они узнали! Мальчики собирались бежать куда-то в Америку добывать золото; у них для дороги всё было готово: пистолет, два ножа, сухари, увеличительное стекло для добывания огня, компас и четыре рубля денег. Они узнали, что мальчикам придётся пройти пешком несколько тысяч вёрст, а по дороге сражаться с тиграми и дикарями, потом добывать золото и слоновую кость, убивать врагов, поступать в морские разбойники, пить джин и в конце концов жениться на красавицах и обрабатывать плантации⁴. Во-

¹ Бизонов (бизон) — американских диких быков.

² Через пампасы; пампасы — степи в Южной Америке.

³ Мустанги — дикие лошади в степях Северной и Южной Америки.

⁴ Плантации; плантация — здесь: поле, большой участок земли.

лѳдя и Чечевѳцын говорѳли и в увлечѳнии перебивѳли друг друга. Себѳ Чечевѳцын назывѳл при ѳтом так: «Монтигѳмо Ястребѳный Кѳготь», а Волѳдю — «бледнолицѳый брат мой».

— Ты смотри же, не говори мамѳ, — сказѳла Кѳтя Сѳне, отправляясь с ней спать. — Волѳдя привезѳт нам из Амѳрики зѳлота и слѳнової кѳсти, а ѳсли ты скажѳешь мамѳе, то егѳ не пѳстят.

Наканѳне сочѳльника ¹ Чечевѳцын цѳлый день рассмѳтривал кѳрту Азии и чтѳ-то записывал, а Волѳдя, тѳмный, пѳхлый, как укушеннѳй пчелѳй, угрюѳмо ходѳл по кѳмнатам и ничегѳ не ел. И раз дѳже в дѳтской он остановѳлся перед икѳной, перекрестѳлся и сказѳл:

— Гѳсподи, прѳсти меня грѳшного! Гѳсподи, сохрани мою бѳдную, несчѳстную мамѳу!

К вѳчеру он расплѳкался. Идѳя спать, он дѳлго обнимѳл отцѳ, мать и сестѳр. Кѳтя и Сѳня понимѳли, в чѳм тут дѳло, а млѳдшая, Мѳша, ничегѳ не понимѳла, решѳтельно ничегѳ, и тѳлько при взглѳде на Чечевѳцына задѳмывалась и говорѳла со вздѳхом:

— Когдѳ пост ², няня говорѳт, нѳдо кушѳть горѳх и чечевѳцу.

Рѳно ѳтром в сочѳльник Кѳтя и Сѳня тѳхо поднялись с постѳлей и пошли посмѳтрѳть, как мѳльчики бѳдут бежѳть в Амѳрику. Подкрѳлись к двѳри.

— Так ты не поѳдешь? — сердѳто спрашивал Чечевѳцын. — Говорѳ: не поѳдешь?

— Гѳсподи! — тѳхо плѳкал Волѳдя. — Как же я поѳду? Мне мамѳу жѳлко.

— Бледнолицѳый брат мой, я прошѳ тебя, поѳдем! Ты же уверѳл, что поѳдешь, сам меня сманил, а как ѳхать, так вот и стрѳсил.

— Я... я не стрѳсил, а мне... мне мамѳу жѳлко.

— Ты говорѳ: поѳдешь ѳли нет?

— Я поѳду, тѳлько... тѳлько погодѳ. Мне хѳчется дѳма пожить.

¹ Сочѳльника; сочѳльник — день наканѳне рождествѳ.

² Пост — время, когдѳ верующие не едѳт мясѳой и молѳчной пѳщи.

— В таком случае, я сам поеду! — решил Чечевичын. — И без тебя обойдусь. А ещё тоже хотел охотиться на тигров, сражаться! Когда так, отдай же мой пистоны!

Володя заплакал так горько, что сёстры не выдержали и тоже тихо заплакали. Наступила тишина.

— Так ты не поедешь? — ещё раз спросил Чечевичын.

— По...поеду.

— Так одевайся!

И Чечевичын, чтобы уговорить Володю, хвалил Америку, рычал, как тигр, изображал пароход, бранился, обещал отдать Володе всю слоновую кость и все львиные и тигровые шкуры.

И этот худенький, смуглый мальчик со щетинистыми волосами и веснушками казался девочкам необыкновенным, замечательным. Это был герой, решительный, неустрашимый человек, и рычал он так, что, стоя за дверями, в самом деле можно было подумать, что это тигр или лев.

Когда девочки вернулись к себе и одевались, Катя с глазами, полными слёз, сказала:

— Ах, мне так страшно!

До двух часов, когда сели обедать, всё было тихо, но за обедом вдруг оказалось, что мальчиков нет дома. Послали в людскую¹, в конюшню, во флигель² к приказчику — там их не было. Послали в деревню — и там не нашли. И чай потом тоже пили без мальчиков, а когда садились ужинать, мамаша очень беспокоилась, даже плакала. А ночью опять ходили в деревню, искали, ходили с фонарями на реку. Бóже, какая поднялась суматоха!

На другой день приезжал урядник³, писали в столовой какую-то бумагу. Мамаша плакала.

Но вот у крыльца остановились розвальни, и от тройки белых лошадей валит пар.

— Володя приехал! — крикнул кто-то на дворе.

---

¹ В людскую (людская) — в помещение для слуг.

² Во флигель; флигель — небольшой дом, стоящий во дворе главного здания, или пристройка к главному зданию.

³ Урядник — здесь: нижний чин царской уездной (районной) полиции.

— Волóдичка приехали! — завопила Натáлья, вбегáя в столóвую.

И Милóрд залáял бáсом: «гав! гав!» Оказáлось, что мáльчиков задержáли в гóроде, в Гостýном дворé¹ (там онý ходили и всё спрашивали, где продаётся пóрох). Волóдя как вошёл в перéдную, так и зарыдáл и брóсился мáтери на шею. Дéвочки, дрожá, с úжасом думали о том, чтó тепёрь бóдет, слышали, как папáша повёл Волóдю и Чечевýцына к себé в кабинéт и дóлго там говорýл с ними: и мамáша тóже говорýла и плáкала.

— Рáзве ёто так мóжно? — убеждáл папáша. — Не дай бог, узнают в гимнази́и, вас исключáт. А вам стýдно, господи́н Чечевýцын! Нехорошо́-с! Вы зачýнщик, и, надею́сь, вы бóдете наказаны ва́шими родите́лями. Рáзве ёто так мóжно? Вы где ночевáли?

— На вокзале! — гóрдо отвéтил Чечевýцын.

Волóдя потóм лежáл, и ему́ к головé приклáдывали полотёнце, смóченное в úксусе. Послáли кудá-то телегрáмму, и на другóй день приехала дáма, мать Чечевýцына, и увезла́ своего́ сы́на.

Когдá уезжáл Чечевýцын, то лицó у него́ бýло сурóвое, надмённое, и, прошáясь с дéвочками, он не сказáл ни одного́ слóва; тóлько взял у Кáти тетра́дку и написáл в знак пáмяти:

„МОНТИГОМО ЯСТРЕВИНЫЙ КОГОТЬ“

---

¹ В Гостýном дворé; Гостýнный двор — старинное торго́вое помещéние, где находились различные магази́ны.

СОДЕРЖАНИЕ

Белолóбый (рис. Г. Никольского)	5
Бегле́ц (рис. Т. Шишмарёвой)	13
Мáльчики (рис. Т. Шишмарёвой)	23

Обложка Г. Никольского

ДЛЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

Ч Е Х О В А П.

Белолóбый

Ответственный редактор И. В. Пахомова. Художественный редактор Г. С. Вебер.
Технический редактор Д. Ф. Пчелкина. Корректоры Н. В. Белякова и
Е. И. Вильтер.

Сдано в набор 14/XII 1954 г. Подписано к печати 14/II 1955 г. Формат 65 × 92¹/₁₆ — 2=2,17 печ. л.
(1,5 уч.-изд. л.). Тираж 100 000 экз. Цена 55 коп. А01132. Заказ № 1439.
Детгиз. Москва, М. Черкасский пер. 1.

Сканирование - *Беспалов, Николаева*
DjVu-кодирование - *Беспалов*

Цена 55 коп.

А. П. ЧЕХОВ

БЕЛОЛОБЫЙ

ДЕТГИЗ · 1955